

5. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 390. Л. 143 об.
6. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 33. Л. 9.
7. Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов. М., 1995. С. 61-62.
8. Колхозная жизнь на Урале. 1935-1953 / Сост. Г. Кесслер, Г.Е. Корнилов. М., 2006. С. 71.

Филиппова О.С.
(Нижний Тагил)

Образ войны в русской истории

Сегодня в свете событий внешнеполитического курса, особую актуальность приобрела тема имиджа России в пространстве международной политики.

Отвечая на вопрос о стратегии выстраивания образа нашего государства в глазах мировой общественности, председатель правительства Российской Федерации В.В. Путин подчеркнул, что впору зарубежным государствам подумать о том, как складывается восприятие Россией зарубежных стран.

Что читается в данном жесте? Игра мускулами. Популизм, ориентированный на приятие российским народом образа сильной власти. Претензия на доминирование в международной политике, с опорой на имеющийся потенциал... Таки или иначе, Россия активно включена в систему международных отношений и немаловажно, как оценивает нас мир.

Не претендуя на исключительность и истинность предложенной точки зрения, обратимся к анализу доминант российской истории, а именно, тех точек бифуркации, пройдя которые Россия вошла в современность. Попытаемся рассмотреть, какие факторы, формировали имидж Руси, России, Советского Союза, Российской Федерации на протяжении столетий.

Российская история – пример перманентного балансирования между Западом и Востоком, постоянного поиска исключительности, самодостаточности, идентичности, но в то же время признания и приятия на уровне международной политики.

В глянцевах журналах начинающим светским львицам дают совет: пока не найден собственный стиль, дабы не выглядеть нелепо, целесообразно эксплуатировать модные образы, снискавшие

популярность, ставшие иконами стиля. Но, если на первых порах публика с интересом встречает добротную копию Мэрилин Монро или Марлен Дитрих, с течением времени интерес к собственной персоне можно поддержать лишь с опорой на индивидуальность.

Политическая история нашего государства, в общем и целом, вполне соответствует предложенной схеме.

Молодое Киевское государство принимает православные покровы не только в поиске исключительной духовности, но с претензией на интеграцию в православную ойкумену. Не забываем о том, что решающие штрихи в портрет государства эпохи становления внесены звоном оружия у ворот Царьграда.

Выросши из пелен Киевской цивилизации, Русь, вступила в полосу феодальной раздробленности. Ослабленное, пребывающее в XIII веке в состоянии кризиса государство вновь решает вопрос о выборе облачения. На русских просторах вновь столкнулись Запад и Восток. Отразив агрессию крестоносцев, Русь пала под напором кочевников-азиатов. Формируется образ новой страны, страны – жертвенницы, чья кровь спасает Европу от монголов. В это время формируется новый облик государства, та самая золотая есенинская Азия. Привнесение восточного типа политической культуры, изменяет генетический код русской государственности. Царская московская цивилизация, объявившая себя третьим Римом, выросла на полях сражений с монголами, сдобренная династическими конфликтами.

Судьба любого расцвета – упадок. «Переодеть» страну, износившую сусальное московское золото, решает Петр Великий. Ценою вопроса становится Северная война, доказавшая право Российской империи носить модное европейское платье. На протяжении XVIII столетия Запад наблюдает за Россией, и спустя столетний перерыв решает проверить ее на прочность.

В 1812 г. Россия вновь доказывает право одеваться по европейскому образцу, и даже сама становится законодательницей политической моды.

В середине XIX века стране вынесен «модный приговор». Крымская война показала несостоятельность русского государства перед лицом глобальных перемен в международном сообществе.

На рубеже веков облачение империи изветшало, потерялось, а начавшаяся Первая мировая война и вовсе превратила его в тлен. Петербургская империя, выведшая русскую моду на международный

уровень, вынуждена была уступить место великим «портным», переkreившим сам ход отечественной истории.

Споры вокруг личности советских «кутюрье» не утихают по сей день. В XX веке удалось не только полностью переодеть великую страну, но и доказать право на самобытный образ четвертой Советской империи. Зная прописную истину о том, что «встречают по одежке», Советскому Союзу удалось выстроить лаконичный, жесткий образ в стиле «милитари», противостоять которому, как показала история, было невозможно.

Советская Россия заняла совершенно отдельную нишу в череде образов ведущих государств. Тиски предложенных «модных тенденций» внутри страны были настолько нарочиты и очевидны, что диалога между властью и обществом не состоялось. Советская действительность способствовала не только возрастанию промышленного и военного потенциала, она изменила нутро самого общества.

Стоит отметить, советское правительство умело использовало западные тенденции. Так движение за равноправие мужчины и женщины, ставшее на Западе закономерным этапом развития демократических институтов, приобрело в Советской России совершенно иной подтекст. Государство-крепость, ориентированное на борьбу с внешним врагом, представило совершенно иную модель общественной организации. Так, русская женщина, веками воспитанная в традициях, близких к Домострою, становится полноправным механизмом в чреве государственной машины. Образ мужчины – воина, защитника Отечества, культивировавшийся в массовом сознании, требовал обязательного дополнения в лице женщины, способной без помощи сильного пола полноценно участвовать в системе общественного производства. На волне соцсоревнований в моду вошло гендерное равноправие, стиль «унисекс».

Итак, концепция государства-крепости, окруженного врагами, внесла весомые коррективы в историю русского стиля. Милитаризация государственной и частной жизни рельефно проявилась в диспропорциональном развитии экономической сферы, привела к перераспределению общественных обязанностей мужчин и женщин, сделала советское общество замкнутым. В контексте военной проблематики ярко проявились такие типологические черты

национального менталитета как отношение к войне и миру, формы коммуникации, система свои – чужие.

В начале 1940-х гг. Советский Союз сказал свое веское слово в мировой истории.

Государство мощное, укрепленное, прошедшее путь «от сохи до ядерного оружия», предстает в истории прошлого столетия монолитом, глыбой, о которую разбились и чаяния о свободе русского человека, и мечты о мировом господстве нацистской Германии.

В 1945 г. страна доказала мировому сообществу преимущества советского стиля. Цена этой Победы исчисляется миллионами человеческих жизней, миллиардами условных единиц.

Военная проблематика на протяжении второй половины XX века и по настоящее время остается одной из самых исследуемых и актуальных для отечественных историков. В условиях современности не ослабевает потребность в рассмотрении моделей организации общества в кризисные периоды. Военная история XX века – яркий пример социальных, экономических, идеологических, культурных «перестроек», периодов высочайшего напряжения и концентрации человеческих сил в условиях общегосударственной опасности.

Внимание к военной теме само по себе является достаточно интересным вопросом. В XX веке в политическом и общественном сознании России вновь укоренился и актуализировался образ государства-спасителя.

Россия двух последних десятилетий – сложная саморазвивающаяся система, отвечающая всем признакам переходного состояния: неравномерность и неустойчивость протекавших процессов, временный характер, вариативность развития, чрезвычайная динамичность, смешанность и противоречивость признаков, необратимость изменений, особая историчность, непохожесть на известные периоды истории. На этом фоне одним из основных вопросов для страны на протяжении более чем 10 лет остается необходимость поиска национальной идеи. В переходный период нерешенность этого вопроса стала одним из направлений кризиса, охватившего постсоветскую Россию.

О том, что России нужна национальная идея, Б. Ельцин объявил в августе 1996 г., открыв тем самым дискуссию политических и научных элит. До сегодняшнего дня государство не готово представить населению готовый продукт, пригодный к употреблению широкой аудиторией. А между тем, с начала 1990-х гг. общественная

и научная жизнь охвачена голодом, жаждой национальной самоидентификации.

Отсутствие четко заданной системы координат породило поиск положительного идеала в прошлом. В конце 1990-х гг. победа, одержанная народом в Великой Отечественной войне, прочно вошла в круг исторических приоритетов, заняла в сознании общества место среди событий, которые вызывают чувство гордости за Россию. В это же время мы наблюдаем определенную тенденцию к развенчанию образа Великой победы, стремлению вопреки исторической традиции показать все теневые стороны победы, подчас излишне гипертрофированно.

Позиционирование образа войны в русле идей государственного патриотизма неизбежно привело к неоднозначному подходу к интерпретации фактов военной и мировой истории. В то же время, многие современники в пику «ура-патриотизму» достаточно скептически рассматривают уроки военного времени.

Нужно отметить, что сама историческая наука претерпела достаточно серьезные изменения с началом 1990-х гг., что нашло отражение не только в кризисе парадигмы и методологии, но и в тотальной коммерциализации исторического знания. В погоне за «бестселлерами» историки апеллировали к военной тематике, находя отклик у читателя, в первую очередь, на эмоциональном уровне.

Так или иначе, на протяжении последних 20 лет обращение к теме Великой Отечественной войны было актуализировано не только поиском научной истины, но и пристальным вниманием общественности и властных структур к раскрытию и позиционированию в русле патриотизма уроков военной истории.

Необходимо выделить саму традицию обращения к теме Великой Отечественной войны. Всплеск повышенного внимания наблюдается в преддверии юбилеев и годовщин победы. В праздничные даты победа, одержанная советским народом, преподносится торжественно, к ней не перестают апеллировать как к величайшему достижению, успеху, предмету гордости поколений. Так, подготовка к празднованию 65-й годовщины Победы, приходящейся на 2010 г., начата уже сегодня.

Ни в коем случае не умоляя значения Великой победы, как, впрочем, и всех побед, одержанных силой русского оружия, попытаемся понять, чем же является война в российской истории,

какой образ, а правильнее сказать, образ какой войны, сформирован в общественном сознании россиян.

Интересно отметить тенденцию приятия силы внутри российского общества. На протяжении 2008 г. один из центральных каналов предлагал согражданам выбрать имя российской истории. Результаты показательны во всех отношениях. Первые места заняли канонизированный Русской Православной церковью князь-воин Александр Невский и Иосиф Виссарионович Сталин. Чем обусловлен выбор россиян? Что это: генетическая тоска по великой империи, нуждаемость в сильном покровительстве или вера в военную силу, которая на протяжении столетий возводила нашу страну на вершины международных рейтингов?

Итак, насколько идея примата силы находит подтверждение в российской повседневности. Анализируя итоги все того же опроса, в котором, кстати, принимали участие далеко не все желающие, а лишь прошедшие тестирование, можно прийти к различным выводам. Так, возможно, в обществе получили распространение взгляды на отечественную историю в контексте школы государственников. Напомним, представители данной школы считали, что при оценке деятельности того или иного исторического деятеля первичны его достижения на почве построения тела российской государственности, тогда как личные качества не могут быть поставлены во главу угла. Значит ли это, что россияне сознательно готовы потчевать жертвенник построения новой, Пятой империи. Или дело в принятии и эффективности популистских высказываний российской политической элиты, апеллирующей к мускулам...

Наше государство имеет богатейшую историю, суть которой далеко не сводится к славе русского оружия и грому военных достижений. Постсоветская Россия уверенно вступила на путь интеграции в мировое сообщество, на уровне которого актуальными задачами любого государства является, прежде всего, поддержание мира, коллективной безопасности, налаживание культурных, межэтнических связей, преодоление экономических, социальных, а главное – смысловых барьеров. На этом уровне важнейшим направлением становится переход мышления на новый уровень, уровень диалога, равноценного обмена не в ущерб национальным интересам. Российская государственность, чье тело порой неуклюже прикрыто фасонной демократией по западному образцу, одной из важнейших задач должно поставить стремление к расширению

общественного сознания, выведения его за рамки «свои – чужие». Думается, настало время разжать кулак.

Осознанные на международном и внутригосударственном уровне объективные законы исторического развития, а так же социальная и политическая мифология сформировали убежденность в том, что можно по-русски любить, воевать, многое объяснять особенностями национальной души и характера. Хочется только надеяться, что самобытный стиль «А-ля рюс» для международного сообщества перестанет отождествляться с блинами, балалайкой, шапкой-ушанкой и Иваном-солдатом. В настоящее время Россия – далеко не статист международной политики. Современному миру для выбора стратегии выхода из кризисного состояния необходимы свежие идеи, которые, вне всякого сомнения, может предоставить Россия.

Русский стиль может и должен быть интересен миру. Понимая естественную природу конфликта, его неизбежность и даже созидательный потенциал, подчеркнем, в российской истории настало время создавать новые образы и образцы созидательного развития.

**Цысь В.В., Цысь О.П.
(Нижевартговск)**

Организация управления школами севера Западной Сибири в XIX–начале XX вв.

Начало системе образовательных учреждений на территории края было положено в правление Александра I. Еще в январе 1803 г. им утверждаются «Предварительные правила народного просвещения», в соответствии с которыми народное образование должно было состоять из четырех ступеней: приходские училища, уездные училища, гимназии, университеты. Согласно принятому в 1804 г. Уставу учебных заведений, надзор за уездным училищем должен был осуществлять смотритель – чиновник не ниже 9 класса «Табели о рангах» (1).

Первым учебным заведением Севера Западной Сибири стало организованное 30 августа 1818 г. Березовское уездное училище. Заведывание училищем возлагалось на штатного смотрителя. Он же отвечал за состояние других образовательных учреждений. Такое же совмещение обязанностей было свойственно и следующему уровню управления образовательными учреждениями: директор Тобольской